

УДК: 37.015:[81'253+81'246.3]

КОНТЕКСТНАЯ И СИТУАТИВНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В МОНОЛОГИЧЕСКОМ ВЫСКАЗЫВАНИИ

Тамара Сергеевна Серова

д. пед. н, профессор кафедры иностранных языков,
лингвистики и межкультурных коммуникаций

Пермский национальный исследовательский политехнический университет
614990, Пермь, Комсомольский пр-т, 29. serowa@pstu.ru.

Татьяна Валерьевна Шрайдман

аспирант, ассистент кафедры иностранных языков,
лингвистики и межкультурных коммуникаций

Пермский национальный исследовательский политехнический университет
614990, Пермь, Комсомольский пр-т, 29. schraidmann@pstu.ru.

Речь идет о специфике функционирования и употребления фразеологизмов, обусловленных контекстом и ситуацией монологического высказывания, а также о важности дискурса как объекта анализа. Построение любого связного высказывания как процесс осуществляется путем селекции, отбора и комбинации, сочетания, упорядочения языковых единиц. Говорящий принимает решение, какие слова, словосочетания более точно передают понятие, будут ли они при этом соответствовать намерению говорящего, ситуации общения, характеру взаимоотношений партнеров, их национальности, культуре, традициям.

Ключевые слова: фразеологизмы; контекст; коммуникативная ситуация; монологическое высказывание; дискурс.

При восприятии, понимании, воспроизведении и порождении монологического высказывания в устном последовательном переводе у переводчика возникают трудности, связанные прежде всего со специфичностью семантики языковых образных единиц, обусловленной смысловым содержанием контекста, несовпадением «картин мира» при отражении неязыковой реальности посредством образных фразеологических единиц, и, наконец, различиями в самой реальности, описываемой в порождаемых текстах монологических высказываний.

В текстах как речи, представленной и существующей уже в готовых продуктах, находит отражение ментальная, духовная жизнь субъектов и народа, особенности их мышления, культурно-исторические традиции и языковое мировоззрение. Последние представлены концептами, выраженными единицами языка, интерпретация которых позволяет восстановить концептуальную картину мира носителей данного языка.

Речевое высказывание, порождение текста, а также речь как лингвистический компонент всегда ситуативно обусловлены социокультурным планом. И это тесно связано с таким понятием, как дискурс, который включает ситуативно обусловленный лингвистический компонент и экстралингвистический план. В связи с этим все языковые средства, лексические в частности (а в нашем случае фразеологические единицы), всегда могут быть правильно интерпретированы, осмыслены и поняты, а также правильно употреблены только в рамках лингвистического контекста и коммуникативно-речевой ситуации.

Говоря о контекстной обусловленности, необходимо прежде всего рассмотреть понятие «контекст», понимаемый как фрагмент текста, включающий избранную для анализа единицу, необходимый и достаточный для определения значения этой единицы, являющийся непротиворечивым по отношению к общему смыслу данного текста [Ярцева 2002: 473].

Контекст образуется не только средствами выражения мысли, языковыми и внеязыковыми (слова, жесты, мимика и т.д.), но и всей ситуацией порождения высказывания, которая обуславливает употребление именно этого, а не другого слова, окружение которого и определяет его смысл [Кодухов 1983: 97].

Контекст как целостное явление языковой действительности обладает своей структурной организацией, которая наиболее часто понимается как ядерная. Как подчеркивает А.А.Холодович, кроме отдельных слов, в общении употребляются словесные ряды, а любой словесный ряд может быть разложен на ядро и его окружение [Холодович 1960: 36].

Если рассматривать различные подходы к выделению видов контекстов, то следует прежде всего отметить, вслед за А.А.Вербицким, что контекст может быть «внешним по отношению к речи (физическое окружение) и внутренним, собственно речевым» [Вербицкий 1990: 118]. Наряду с этими видами он выделяет социальный и субъективно-психологический контексты (культурные ценности, нормы и особенности общения). Если рассматривать осмысление и понимание по М.М.Бахтину как соотнесение с другими текстами и переосмысление не просто в новом контексте, а в «едином контексте предшествующего и предвосхищаемого» [Бахтин 1979: 364], то важными становятся разные типы контекстов: деятельностный, культурный, исторический, социальный, поведенческий, эмоциональный и др., без учета которых можно неправильно, искаженно понять смысл текста.

Обращаясь к понятию коммуникативного контекста как к общему [Мыркин 1978: 97], близкому понятию речевой ситуации, выделяют его частные виды: 1) лингвистический контекст; 2) паралингвистический контекст; 3) ситуативный контекст; 4) контекст культуры; 5) психологический контекст.

Поскольку контекст является необходимым условием коммуникации, следует прежде всего говорить о собственно лингвистическом и экстралингвистическом контекстах, которые имеют большое значение в условиях межкультурной коммуникации, предполагающей использование того или иного иностранного языка во взаимодействии с родным языком. Не менее важными при этом являются социолингвистический, культурный, социокультурный и исторический контексты. Изучение иностранного языка как средства коммуникации между представителями разных народов и культур должно осуществляться в неразрывном единстве с картиной мира и культурой народа, говорящего на этом языке.

В лингвистике рассматривается проблема зависимости слова от контекста как теория порождающей силы (функции) контекста. Особенно широкое распространение эта теория получила в работах представителей структурального направления (П.Вегенер, Г.Штербер, А.Норейн, А.Гардинер, Л.Блумфилд, Л.Ельмслев, С.К.Шаумян и др.), в которых подчеркивается, что «...любая сущность, а, следовательно, также и любой знак определяется относительно, а не абсолютно, и только по своему месту в контексте... В абсолютной изоляции ни один знак не имеет какого-либо значения; любое знаковое значение возникает в контексте...» [Ельмслев 1960: 265].

Все виды контекста становятся непременным условием раскрытия значения лексических единиц, а их смысловое содержание всегда контекстно обусловлено. О «контекстах понимания», о бесконечном обновлении и преобразовании смысла слова во все новых контекстах писал в своих трудах М.М.Бахтин, подчеркивая, что «понимание как соотнесение с другими текстами и переосмысление в новом контексте (в моем, в современном, в будущем)» является активным диалогическим движением [Бахтин 1979: 364].

Л.С.Выготский привлекал понятие «контекст» для объяснения соотношения смысла и значения, так как слово приобретает смысл во фразе, но сама фраза приобретает смысл только в контексте абзаца, а абзац – в контексте текста, книги и т.д. Слово вбирает в себя, впитывает из всего контекста, в который оно вплетено, интеллектуальные и аффективные содержания и начинает значить больше или меньше, чем заключено в его значении. Обогащение слова смыслом составляет основной закон динамики значений [Выготский 1982: 347].

В.В.Виноградов отмечал, что «...то или иное значение слова реализуется и определяется контекстом его употребления. В сущности, сколько обособленных контекстов употребления данного слова, столько и его лексических форм» [Виноградов 1947: 14].

В.А.Звегинцев справедливо заметил: «Из этого определения явствует, что слово не обладает никакой смысловой самостоятельностью (его значение определяется контекстом его употребления) и что любое употребление есть уже и значение слова ("сколько обособленных контекстов употреблений слова, столько и его значений")» [Звегинцев 1957: 300–301]. Любое значение может приобретать иной смысл под давлением внеязыковой действительности, в результате абстрагирующей работы человеческого мышления, обнаруживающего черты сходства между отдельными предме-

тами и осуществляющего перенос наименования с одного предмета на другой.

А.Ф.Лосев также подчеркивает, что оттенки значения слов, их реальный смысл возможны благодаря тому, что в живом языке эти слова берутся только в связи с разнообразным контекстом речи. «Значение знака, – пишет он, – есть знак, взятый в свете своего контекста» [А.Ф.Лосев 1982: 61].

Именно поэтому, изучая иностранный язык, нужно усваивать лексические единицы не в отдельности, по их значениям, а в естественных, наиболее устойчивых сочетаниях, присущих данному языку.

Возьмем, например, распространенное слово *книга* и его эквивалент в английском языке — слово *book*. В англо-русских словарях это слово приводится в наиболее регулярно воспроизводимых сочетаниях. Лишь одно из них переводится словом *книга*:

- book on/about birds — книга о жизни птиц;
- reference book — справочник;
- cheque book — чековая книжка;
- ration book — карточки;
- to do the books — вести счета;
- our order books are full — мы больше не принимаем заказов;
- to be in smb's good/bad books — быть на хорошем/плохом счету;
- I can read her like a book — я вижу ее насквозь;
- we must stick to/go by the book — надо действовать по правилам;
- I'll take a leaf out of your book — я последую твоему примеру;
- he was brought to book for that — за это его привлекли к ответу.

Но как мы указывали выше, большую роль в выявлении значения играет социокультурный и исторический контекст, особенно в иноязычной речевой деятельности, когда встречаются две культуры и два языка. Так, в работе С.Т.Гер-Минасовой [Гер-Минасова 2000: 77] приводится пример социокультурной обусловленности словосочетания *white man*. Это не просто человек с белой кожей, представитель белой расы, но также «порядочный, приличный, благоспитанный человек», так как исторически в обществе белых заявлялось о превосходстве своей расы над другими. Например, «the whitest man that eve live, a man with a cultured mind and with all the courage in the world» (Т.Hardy) – «благороднейший из всех людей, когда-либо живших на свете, самый образованный и самый отважный» (Т.Гарди).

Для английского языка, отражающего культуру и общественное сознание говорящего на нем коллектива, вообще характерно традиционное соотнесение черного цвета с чем-то плохим, а бе-

лого – с хорошим. Даже когда говорят о чем-то плохом и при этом употребляют слово *white*, то оно сглаживает негативное значение последнего, например, *white lie* – ложь во спасение. В русском языке тоже есть нечто подобное, например «белая зависть».

Контекст позволяет обратиться к смыслу и употреблению концептов, вокруг которых группируются средства образности, именно смысловой стороной контекста обусловлена смысловая нагрузка любой фразеологической единицы.

Например, мысль «хорошо всегда иметь верных друзей» позволяет сгруппировать следующие средства образности: без беды друга не узнаешь; не имей сто рублей, а имей сто друзей; верный друг лучше сотни слуг; старый друг лучше новых двух, – а мысль «учиться необходимо всегда и всему»: век живи – век учись; учиться никогда не поздно; ученье свет, а неученье тьма; учиться можно лишь на своем собственном опыте.

Образные средства характеризуются вариативностью и могут быть представлены как тематические ряды по принципу смысловой общности. Так, например, «терпение и труд все перетрут» – 1) with time and patience the leaf of mulberry becomes satin (пер.: со временем и с терпением лист шелковицы становится атласным); 2) diligence is the mother of success (пер.: прилежность – мать успеха).

Рассмотрим другой тематический ряд:

«От добра добра не ищут» – 1) the best is oftentimes the enemy of good (пер. часто лучшее – враг хорошего); 2) let well alone (пер.: оставь хорошее в покое); 3) enough is as good as a feast (пер.: достаточно еды так же хорошо, как и пир).

Сущность контекстуальных замен при употреблении фразеологических единиц заключается в том, что будущий переводчик стремится найти такую русскую фразеологическую единицу, которая с достаточной точностью передает содержание в конкретном контексте.

Смысл как внеязыковое явление управляет отбором и распределением языковых и неязыковых (экстралингвистических) средств при создании монологического высказывания как речевого произведения [Новиков 1999: 58], и без обращения к смыслу «не может рассматриваться семантика таких речевых единиц, как предложение и текст» [Новиков 1999: 58].

Не понятая, не принятая и не зафиксированная от начала до конца структура смыслового развития текста – высказывания снимает важное условие – актуализацию функции управления со стороны смысла. В связи с этим важным становится вопрос объема и характера самого монологического говорения, текста-высказывания не только

как продукта, но и как объекта аудирования, осмысления и понимания информации.

Концептуальная картина мира носителей разных языков, так же как и национально-культурная характеристика концептов, имеют свою специфику употребления средств образности речи, соотносимых с этими концептами, которые чаще всего частично или полностью могут не совпадать при выражении одного и того же смысла.

Р.И.Павиленис раскрывает в своих работах термины "концептуальная система" и "концепт", понимая под ними непрерывно конструируемую систему информации (мнений и знаний), которой располагает индивид о действительном или возможном мире [Павиленис 1983: 280].

Исследование сущности концептуальной системы невозможно без анализа сущности процесса понимания языковых выражений, репрезентирующих содержание концептуальной системы. Процесс понимания языковых выражений рассматривается в контексте отношений между мыслью, языком и миром и «является процессом образования смыслов или концептов» [Павиленис 1983: 101], причем проблема понимания языка не имеет смысла вне проблемы понимания мира.

Анализируя теорию концептуальной системы Р.И.Павилениса, В.А.Пищальникова отмечает, что концепт включает в себя и психологическое значение, и личностный смысл [Пищальникова 1993: 15]. Ядром этого образования является понятие – обобщение предметов некоторого класса по их специфическим признакам. Существование интерсубъективной части в каждом компоненте концепта обеспечивает возможность коммуникации между носителями разных концептуальных систем. Общеизвестно, что процесс оперирования понятиями неразрывно связан с употреблением языка, что обуславливает в концепте наличие языкового компонента (тела знака), включающего, в свою очередь, фоносемантическую, экспрессивную, ассоциативную и другие составляющие. А так как понятие соотносится с некоторым предметом действительности, концепт включает компонент "предметное содержание" (референтная соотнесенность).

Таким образом, концептуальная картина мира – это система информации об объектах, актуально и потенциально представленная в деятельности индивида. Единицей информации такой системы является концепт, функция которого состоит в фиксации и актуализации понятийного, эмоционального, ассоциативного, вербального, культурологического и иного содержания объектов действительности, включенного в структуру концептуальной картины мира.

Так, если обратиться к такому концепту, как «water» / «вода», то можно обозначить несовпадения в половине случаев выражения образности, связанной с этим концептом в английском и русском языках:

– tread water (топтать воду) – топтаться на месте (Не надо топтаться на месте, а надо действовать);

– come hell or high water (идти в ад или в глубокую воду) – несмотря ни на что, вопреки всему (Несмотря ни на что, они разрешили вопрос и получили свои деньги);

– in deep water (в глубоких водах) – в затруднительном положении (Он находился в затруднительном положении и был не в состоянии ответить на ее вопросы);

– in hot water (в горячей воде) – оказаться в беде (В беде не всегда ситуация играет тебе на руку);

– pour oil on troubled waters – (подливать масла в кипящую воду) – умиротворять (Его идеи вызвали жуткие разногласия внутри партии сначала, но он успокоил всех в своей речи);

– spend money like water – (тратить деньги как воду) – тратить деньги, транжирить деньги (она любит тратить на всякую мелочь, а потом еще удивляется, почему у нее деньги так быстро исчезают).

Обращение к концепту «heart» / «сердце» в английском языке позволяет констатировать, что соотнесения средств образности в русском языке в двух третях случаев имеют в своем составе концепт «душа» вместо концепта «сердце», что связано с ментальной и национальной культурной спецификой становления и развития русского народа, у которого в «национальной системе ценностей на первом месте стоит духовность, а «душа» – главное, стержневое понятие [Тер-Минасова 2000: 166]:

– after someone's own heart – по душе;

– have one's heart in one's boots – душа ушла в пятки;

– in one's heart of hearts – в глубине души;

– lose heart – падать духом, вешать голову;

– pour out one's heart – изливать душу;

– set one's heart on something – мечтать о чем-либо;

– take heart – воспрянуть духом;

– to one's heart content – сколько душе угодно;

– wear one's heart on one's sleeve – не скрывать своих чувств;

– break someone's heart – разбить кому-либо сердце;

– from the bottom of one's heart – от всего сердца;

– one's heart bleeds – сердце кровью обливается;

– one's heart sinks – сердце упало у кого-либо;
– take something to heart – принимать что-либо
близко к сердцу.

С.Г.Тер-Минасова отмечает также, что огромное количество фразеологизмов со словом «душа» крайне редко имеет в английском переводе «soul» в качестве эквивалента, а чаще всего «heart»: in one's heart of hearts (в глубине души), to the bottom of one's heart (до глубины души), without all one's heart (всей душой) и др.

Семантические признаки того или иного концепта образуют его понятийное ядро, выделенные общие признаки коррелируют с частными характеристиками.

Если обратиться к концепту «работа/труд», его семантическими признаками можно назвать «профессиональная деятельность человека/процесс», положительное/отрицательное отношение субъекта к деятельности», «положительное/негативное исполнение деятельности»:

Семантические признаки «отношения субъекта к деятельности» реализуются в значении сразу нескольких синонимов:

– работа не волк – в лес не убежит – the work isn't going anywhere;

– труд человека кормит, а лень портит – idleness rusts the mind;

– без труда не вытащишь рыбку из пруда – no rains – no gains и др.

Семантический признак «негативное исполнение профессиональной деятельности» отражается также в ряде фразеологизмов:

– работать без души – to work without halfheartedly;

– работать из-под палки – to work under duress;

– работать спустя рукава – to work with the left hand;

– сидеть сложа руки – to twiddle one's thumbs;

– толочь воду в ступе – to beat the air / to plough the sand / mill the wind;

– в час по чайной ложке – few and far between и др.

Поскольку полное распрямление концептов предполагает обращение ко всему культурному тезаурусу, зафиксировавшему в языковых знаках то или иное осмысление концепта носителями языка, то в дальнейшем перспективным видится обращение к культурно-историческим источникам и памятникам, афоризмам и крылатым выражениям.

Следует отметить, что построение текста любого связного высказывания как процесс осуществляется путем отбора и сочетания, упорядочения языковых единиц [Одинцов 1980: 50]. Говорящий принимает решение, какие слова, словосочетания более точно передают понятие, будут ли

они при этом соответствовать намерению говорящего, ситуации общения, характеру взаимоотношений партнеров, их национальности, культуре, традициям. Например, ситуация, когда дождь был такой сильный, что мы никуда не пошли: «Дождь лил как из ведра» – It rains cats and dogs (дослов.: лить кошками и собаками).

Даже при отсутствии знаний языка можно предположить, какие средства образности применимы в конкретной ситуации как совокупности обстоятельств, условий, создающих те или иные отношения, обстановку или положение.

Таким образом, речь идет не о ситуации вообще, а лишь о такой ситуации, которая вызывает общение или сопутствует ему [Скалкин 1981: 174]. Ситуация возникает только в деятельности и связана с ней прочными узами. Целенаправленность деятельности в значительной степени определяется ситуацией [Пассов 1991: 68].

Ситуация как система взаимоотношений дает возможность подбора необходимого речевого материала, резко сужает выбор слов. Всякий образец речи вне ситуации тоже выражает мысль. Однако выполнить коммуникативную задачу можно только являясь элементом ситуации [Сахарова 1991: 180].

Коммуникативную ситуацию следует понимать как динамическую систему взаимодействующих конкретных факторов объективного и субъективного плана (включая и речь), вовлекающих человека в языковую коммуникацию и определяющих его речевое поведение в пределах одного акта общения в роли как говорящего, так и слушающего [Скалкин 1981: 174].

Типичную коммуникативную ситуацию можно представить как модель контакта, в котором реализуются речевые (и неречевые) действия собеседников в их социально-коммуникативных и профессионально-коммуникативных ролях. Одним из основных компонентов общения в той или иной ситуации является коммуникативно-речевое побуждение (мотив) каждого коммуниканта. Вербальное содержание каждой коммуникативной ситуации представляет собой речевое (языковое) выражение системы, отражающей закономерность связей реальных предметов, явлений и процессов в речевом предьявлении.

К основным и важным факторам коммуникативной речевой ситуации относятся: мысли – информация как предмет на разных носителях; взаимодействующие субъекты; социальные коммуникативные роли и статусы субъектов; сфера общения; коммуникативные намерения; предметно-лингвистический ситуационный контекст; информационная связь; речевые условия (форма, вид речевой деятельности, функционально обу-

словленные языковые средства); экстралингвистические, неречевые условия; объекты и явления внешнего мира; обстановка; социальный ситуативный контекст как система реальных отношений личности [Серова 2001: 187].

Таким образом, в любой коммуникативной ситуации мы всегда выступаем в определенной социально-коммуникативной роли, общаемся, развивая определенную мысль. Так, если обратиться к конкретной ситуации встречи специалиста с руководителем отдела зарубежной фирмы, желающего и готового работать в ней, обсуждающего возможность заключения трудового договора и знакомящегося с миссией и политикой фирмы, то здесь мы можем говорить о взаимодействии двух субъектов, каждый из которых имеет свои коммуникативные намерения, имеют место речевые и экстралингвистические условия, обстановка и социальный ситуативный контекст. Данная ситуация обусловит выбор и употребление соответствующих средств образности субъектами во время речевого общения и в последующих высказываниях о том, как прошла встреча:

- входить в курс дела – to learn the ropes;
- сохранять присутствие духа – to keep a stiff upper lip;
- без сучка и задоринки – without a hitch;
- ловить на лету – to be quick on the up take;
- по душе – after someone's own heart;
- лиха беда начало – it's hard to get started;
- без труда не вытащишь и рыбку из пруда – no pains – no gains;
- принять решение – to make up one's mind;
- вставать с петухами – to be up with the lark.

Приведенные характеристики, относящиеся к лингвистическому контексту и речевой ситуации, позволяют обратиться к проблеме дискурса, в структуре которого присутствуют лингвистический компонент, контекст и внеязыковые экстралингвистические компоненты, которые позволяют наряду с контекстом раскрыть семантику и структуру средств образности речи.

В настоящее время в лингвистике все более утверждается представление о дискурсе как совокупности всего высказанного и произнесенного [Фуко 1996: 65]. Под дискурсом понимается не само речевое поведение, а результат речевого поведения, обусловленный, как и вся речевая деятельность, совокупностью социокультурных и ситуативных факторов, влияющих на коммуникацию [Кудлаева 2006: 50].

Для нас важно определение дискурса как актуализированной в речевом контексте совокупности текстов, объединенных общей ситуативной темой (архитемой) и обусловленных экстралингвистическими факторами, включающими кон-

кретные условия протекания коммуникации (время и место), характеристики канала общения, социальные характеристики коммуникантов, невербальные средства общения и т.п. [Maas 1984: 150].

Термин «дискурс», понимаемый как речь, «погруженная в жизнь», в отличие от текста, обычно не относится к древним текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно [ЛЭС 2002: 137]. С одной стороны, дискурс обращен «вовне»: к ситуации или внешнему контексту высказываний, типу деятельности в малой группе, включающему широкий спектр переменных. С другой стороны, дискурс обращен «вовнутрь» или к внутреннему контексту: к ментальной сфере общающихся индивидов, отображающей в том числе и факторы внешнего контекста, так как только став частью внутреннего мира человека, они могут влиять на его деятельность и общение.

В заключение следует отметить, что, используя те или иные слова, словосочетания, средства образности в процессе говорения, человек обозначает объекты, их качества, эмоции и отношения людей, различные типы смысловых связей.

Включение в монологическое высказывание дискурсивных фрагментов из прочитанных или прослушанных текстов – готовых информационных фрагментов дискурса – необходимо как с целью репродукции, так и с целью продукции монологического высказывания в рамках ситуации и контекста.

Но и в первом, и во втором случае даются свои комментарии, своя интерпретация, свое мнение, своя оценка, что связано с образностью монологической речи. Важным для любого монологического высказывания в процессе говорения как на репродуктивном, так и на продуктивном уровне является смысловое содержание, логика его развития: смысловые вехи, смыслокомплексы (А.Н.Соколов), а также предметно-тематическое содержание, моно- и политемность (И.А.Зимняя).

В качестве учебных дискурсивных материалов нужно включать в процесс обучения видеофрагменты, которые представляют собой речь, «погруженную в жизнь», аутентичный лингвистический и широкий социальный контекст, дают возможность наблюдать функционирование всех компонентов коммуникативной ситуации, в том числе и фразеологизмов, в условиях контекста.

При отборе фразеологических единиц как средств образности монологического высказывания, очевидно, необходимо опираться на ряд важных принципов – аутентичности, дискурсивно-контекстной включенности, предметно-тематической и ситуативной отнесенности, смы-

словой общности, синонимии, обусловленности национально-культурной спецификой концептов, а также степени совпадения/несовпадения фразеологических единиц в разных языках.

Список литературы

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Худож. лит., 1979. 412 с.

Вербицкий А.А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. М.: Высш. шк., 1990. С.117–131.

Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947. 616 с.

Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т.2. М., 1982 (Мышление и речь. С.5–361. Мышление и его развитие в детском возрасте. С.395–415.)

Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. М., 1960. Т.1. С.368–379

Звегинцев В. А. Семасиология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957. 320 с.

Кодохов В.И. Контекст как лингвистическое понятие // Языковые единицы и контекст: сб. науч. тр. ЛГПИ им. А.И.Герцена. Л., 1973. С.7–13.

Кудлаева А.Н. Типы текстов в структуре дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2006. 329 с.

Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 480 с.

Мыркин В.Я. Типы контекстов. Коммуникативный контекст // Филол. науки. 1978. №1. С.95–100.

Новиков А.И. Текст. Смысл и проблемная ситуация // Вопр. филологии. 1999. №3. С.57–63.

Одинцов В.В. Стилистика текста. М.: Наука, 1980. 264 с.

Павленис Р.И. Проблема смысла: Современный логико-функциональный анализ языка. М., 1983. 286 с.

Пассов Е.И. Методика обучения иностранным языкам в средней школе. М.: Просвещение, 1991. 287 с.

Пищальникова В.А., Сорокин Ю.А. Введение в психопеэтику. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1993. 211 с.

Сахарова Т.Е., Рогова Г.В., Рабинович Ф.М. Методика обучения иностранным языкам в средней школе. М.: Просвещение, 1991. 287 с.

Серова Т.С. Психология перевода как сложного вида иноязычной речевой деятельности. Пермь: Перм. гос. техн. ун-т, 2001. 201 с.

Скалкин В.Л. Основы обучения устной иноязычной речи. М.: Рус. яз., 1981. 248 с.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/Slovo, 2000. 262 с.

Фуко М. Порядок дискурса // М.Фуко. Воля к истине: пер. с фр. М.: Касталь, 1996. С.111–175.

Холодович А. А. Опыт теории подклассов слов. // Вопр. языкознания, 1960. №1. С.32–43.

Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. Языкознание. М., 2002. 685 с.

Maas U. Als der Geist der Gemeinschaft eine Sprache fand. Sprache im Nationalsozialismus. Opladen, 1984. 204 p.

CONTEXTUAL AND SITUATIONAL CONDITIONALITY OF PHRASEOLOGY IN MONOLOGUE UTTERANCE OPERATION

Tamara S. Serova

Professor of Department of Foreign Languages,
Linguistics and Cross-cultural Communication
Perm National Research Polytechnic University

Tatyana V. Shraydman

Post-graduate Student, Assistant of Department of Foreign Languages,
Linguistics and Cross-cultural Communication
Perm National Research Polytechnic University

The article deals with the specificity of functioning and use of phraseology, determined by the context and situation of the monologic utterance, and discourse as an important object for analysis. The process of producing a coherent text means selecting, choosing, combining and organizing linguistic units. The speaker chooses proper words and word combinations, whether they correspond to the speaker's communicative intention, communicative situation and relationships of partners, including their ethnicity, culture and traditions.

Key words: idioms; context; communicative situation; monologic utterance; discourse.